

Поляки въ Московскомъ царствѣ.

Взятіемъ Полоцка Московскому государству еще не былъ нанесенъ серьезный ущербъ. Это было не болѣе, какъ обратный захватъ ранѣе отнятаго у Польши города. Только теперь Баторій и его армія готовы были, дѣйствительно, проникнуть въ сердце непріятельской страны. Какъ и въ началѣ кампаніи, въ польскомъ лагерѣ мнѣнія раздѣлились. Часники, служившіе въ этотъ разъ мѣстомъ концентраціи, были на равномъ разстояніи отъ Смоленска и отъ Великихъ Лукъ. Одни хотѣли итти на самый Смоленскъ, другіе же на Псковъ. Баторій рѣшилъ двигаться на Великіе Луки. Эта крѣпость служила для русскихъ складочнымъ мѣстомъ военныхъ припасовъ и обычной базой для операціи противъ Литвы. Она-же была центромъ богатой и населенной области.

Подкрѣпленная пѣхотой, набранной въ королевскихъ владѣніяхъ съ нѣкоторымъ запозданіемъ, армія нападающихъ была нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Она состояла, приблизительно, изъ 17,500 человекъ. Изъ этого количества 8,321 человекъ приходилось на польскую и венгерскую пѣхоты и около 10,000 чел. на литовцевъ. Походъ на Великія Луки былъ тяжелъ. Чтобы не переходить Двину подъ пушками Велижа, другой крѣпости этой области, поляки положили путь черезъ прѣмучіе лѣса и раздѣлили свои силы. Одинъ отрядъ въ 6,000 человекъ даже порвалъ связь съ главной арміей. Эта операція подвергалась критикѣ, какъ чрезчуръ рискованная. Но удаленность московскихъ силъ, все время сконцентрированныхъ далеко отъ театра войны въ Новгородѣ, Псковѣ и Смоленскѣ, повидимому, оправдывала эту смѣлость. Отрядъ же, рискнувшій порвать съ главной арміей, имѣлъ во главѣ новаго польскаго начальника, въ которомъ Баторій неожиданно нашелъ одного изъ лучшихъ полководцевъ. Его звали Янъ Замойскій. Онъ занялъ мѣсто военачальника старой школы, Николая Мелецкаго, который въ предшествующую кампа-

нію обнаружилъ больше храбрости, чѣмъ воинскихъ талантовъ. Государственный человѣкъ болѣе, чѣмъ военачальникъ, прежній ректоръ Падуи, Замойскій, повидимому, не былъ предназначенъ превзойти Мелецкаго. Его военный талантъ былъ какъ бы откровеніемъ. Въ то время, какъ король на своемъ пути занялъ Усвяць, Замойскій обошелъ Велижъ, взялъ его и соединился съ главной арміей передъ Великими Луками. У Великихъ Лукъ поляки наткнулись на неожиданность: туда прибыло московское посольство. Иванъ нѣкоторое время колебался, какъ поступить съ этимъ посольствомъ. Для него было жестокимъ униженіемъ приказать посламъ слѣдовать за арміей нападающихъ. Послѣ взятія Велижа царь созвалъ одинъ изъ тѣхъ какъ соборовъ, исторію которыхъ я изложилъ выше. Такъ соборъ высказался за энергичное сопротивленіе, то царь приказалъ послать Ивану Сицкому, Роману Михайловичу Пивову и Ѳомѣ Пантелееву вернуться. Однако, послѣ этого лазутчики, отправленные на развѣдки, принесли тревожныя вѣсти: «поляки многочисленны, какъ саранча». Тогда Грозный смирился и далъ своимъ уполномоченнымъ новыя инструкціи, обнаружившія, что царь лучше защищается на дипломатической почвѣ, чѣмъ на полѣ брани. Онъ предлагалъ Баторію Курляндію, которая никогда не принадлежала Москвѣ, болѣе 65 ливонскихъ городовъ, очень искусно выбранныхъ, а 35 другихъ должны были остаться за нимъ. Сверхъ того, Сицкій и Пивовъ начали просить немедленнаго снятія осады съ Великихъ Лукъ и аудіенціи *на польской территоріи*: никогда де царь не соглашался договариваться на своей землѣ. Такъ какъ имъ дали на это довольно жестокій отвѣтъ, они согласились начать переговоры и на мѣстѣ. Баторій требовалъ всей Ливоніи, Великихъ Лукъ и Смоленска. Переговоры затянулись. Между тѣмъ, Замойскій тѣснымъ кольцомъ окружилъ городъ. Какъ большинство московскихъ крѣпостей, Великія Луки имѣли только деревянные стѣны. Онѣ состояли изъ двойного ряда толстыхъ дубовыхъ досокъ, между которыми была насыпана земля. Эти стѣны оказались непроницаемыми для раскаленныхъ ядеръ.

Съ другой стороны, недостаточная и плохо обслуживаемая артиллерія Поляковъ слабо поддерживала канонаду, наносившую болѣе серьезный вредъ осаждающимъ. Однако, гарнизонъ осажденнаго города запросилъ капитуляціи, когда одинъ мазовецкій крестьянинъ съ опасностью для своей жизни поджегъ одну изъ крѣпостныхъ башенъ. Пока спорили относительно условій сдачи, венгры не сдержали

лись. Подъ начальствомъ своего безстрашнаго вождя, Гаспара Бекешы, бывшаго политическаго соперника Баторія, они всегда обнаруживали столько же стремительности, сколько и недостатка дисциплины. Боясь, какъ бы желанная добыча не ускользнула изъ ихъ рукъ, или же опасаясь, какъ бы лучшей частью ея не воспользовались поляки, они стремительно ворвались въ городъ. Въ бѣшенной схваткѣ на этотъ разъ не былъ пощаженъ никто. Даже были перебиты монахи, вышедшіе крестнымъ ходомъ съ иконами и крестами. Замойскій напрасно старался возстановить порядокъ. Ему удалось спасти только двухъ воеводъ.

Послѣ взятія Великихъ Лукъ вся область оказалась во власти побѣдителей. Князь Хилковъ, оперировавшій въ ней во главѣ сильнаго отряда, былъ разбитъ польской, венгерской и нѣмецкой кавалеріей, которой командовалъ князь Збаражскій. Подожженный Невель, въ свою очередь, сдался, и поляки по отношенію къ нему не обнаружили большой щепетильности въ соблюденіи принятыхъ условій. Въ европейскихъ войнахъ того времени это было почти правиломъ. Всегда находился предлогъ нарушить условія. Озерище отдалось почти безъ сопротивленія. Городъ Заволочье, лучше защищенный озеромъ Подсохомъ, дѣлавшимъ изъ города родъ укрѣпленнаго острова отразилъ первый приступъ. Подъ нападающими обрушился мостъ, и шляхта заговорила послѣ этого объ отступленіи отъ города. Дѣло въ томъ, что она хотѣла вернуться домой къ Рождеству. Однако, Замойскій показалъ себя такимъ же опытнымъ дипломатомъ, какъ и полководцемъ. Онъ вызвалъ соревнованіе въ храбрости между поляками и венграми на двухъ новыхъ мостахъ, замѣнившихъ разрушенный.

Къ этому примѣшалось и религіозное чувство. Послѣ соотвѣтствующей проповѣди и причастія волонтеры, простившись другъ съ другомъ передъ битвой, согласились идти въ атаку, и 23 октября 1580 года городъ былъ взятъ. По свидѣтельству польскаго лѣтописца воеводы, рѣшившіеся во что бы то ни стало сопротивляться, должны были сдаться лишь благодаря неповиновенію гарнизона.

Успѣхъ одного изъ полководцевъ царя, Ивана Михайловича Бутурлина, не вознаградила этихъ потерь. Напавъ врасплохъ у литовской границы на воеводу Смоленска, Филона Кмиту, московскій военоначальникъ окружилъ его превосходными силами, перебилъ у него 600 человекъ и отнялъ артиллерію въ составѣ 10 пушекъ. Тѣмъ не менѣе, поляками была пріобрѣтена большая русская область, и они

вернулись на свои зимнія квартиры. Литовцы же продолжали кампанію. Они захватили Холмъ, сожгли Старую Русу, даже проникли въ Ливонію. Тамъ они завладѣли замкомъ Шмильтенъ и вмѣстѣ съ Магнусомъ разорили дерптскую область до самыхъ московскихъ границъ.

Не остались спокойными наблюдателями и шведы. Въ ноябрѣ 1580 года Понтусъ де ла Гарди ворвался въ Карелію и взялъ Кексгольмъ, гдѣ, по свидѣтельству ливонскихъ лѣтописцевъ, нашли свой конецъ 2,000 русскихъ. Другой отрядъ шведовъ осадилъ Падисъ, расположенный на разстояніи 6 миль отъ Ревеля. Послѣ 13 недѣль отчаяннаго сопротивленія, въ теченіе котораго защитники подъ начальствомъ Чихачева принуждены были ѣсть кожи, солому и даже, какъ полагають, человѣческое мясо, городъ былъ взятъ приступомъ. Затѣмъ наступила очередь Ливоніи; ворвавшись туда неожиданно весною 1581 г., Понтусъ де ла Гарди захватилъ Везенбергъ. Такимъ образомъ, третій хищникъ готовъ былъ отнять у царя плоды того завоеванія, которое уже навлекло на него побѣдоносное нашествіе поляковъ, бывшихъ на полъ-дорогѣ отъ его столицы!

Между тѣмъ, Баторій готовился уже къ третьей кампаніи, добившись въ февралѣ 1581 года новой субсидіи, вотиrowанной сеймомъ еще на 2 года. Куда же идетъ онъ теперь, увѣнчанный славой, съ его опытностью, съ привыкшей къ войнѣ арміей, воодушевленный своими триумфами? По слѣдамъ короля шла другая армія. Это іезуиты вели религіозную пропаганду, усгѣхи которой уже давали себя чувствовать въ русско-литовскихъ областяхъ до самой Ливоніи. Баторій оказывалъ имъ поддержку, надѣясь съ ихъ помощью разорвать узы, связывающія эти области съ православной Москвой и протестантской Германіей. Въ 1576 году отцы іезуиты отпраздновали въ Вильнѣ обращеніе 80 лютеранъ и 50 послѣдователей греческаго обряда (*Лобковичъ*, Очерки по исторіи іезуитовъ въ русско-литовской области. Варшава 1888).

Эта миссіонерская работа мѣтила далеко и охватывала широкіе горизонты. Побѣдоносное движеніе католицизма черезъ Ливонію должно было достигнуть Швеціи, гдѣ Римъ вновь получалъ точку опоры, благодаря Екатеринѣ изъ рода Ягеллоновъ. Возвращеніемъ потерянной земли въ лоно католицизма думали замкнуть реформачію въ кругъ, гдѣ она и задохнется. Побѣжденная Москва, въ свою очередь подчинится тогда натиску торжествующаго латинства. Такимъ образомъ, наиболѣе развитое въ то время славянское племя, отдавши себя

въ руки героическаго вождя, при помощи побѣдъ, въ которыхъ современники уже видѣли знаменіе Божіе, разрѣшила бы двойную проблему—политическую и религіозную. Отъ разрѣшенія ея зависѣло будущее сѣверо-восточной Европы. Это было бы созданиємъ «Третьяго Рима» и осуществленіемъ самыхъ честолюбивыхъ надеждъ.

Безъ сомнѣнія, Грозный не предвидѣлъ всего этого: онъ просто чувствовалъ свое безсиліе отразить опасность вооруженной рукой. Поясъ крѣпостей, за которыми онъ считалъ себя въ безопасности, былъ прорванъ. Нашествіе подвигалось медленно, но вѣрно. Послѣ Великихъ Лукъ передъ нимъ должны были открыть свои ворота Новгородъ и Псковъ. И менѣе, чѣмъ когда-либо, царь могъ думать противупоставить плохо снаряженные, плохо обученныя, разрозненныя толпы своей милиціи грознымъ полкамъ поляковъ, передъ которыми не выдерживали и его крѣпости. Въ его распоряженіи оставались только дипломатическія средства.
